

Марина Цветаева. РЕМЕСЛО [1].

Марина Цветаева. ПСИХЕЯ. РОМАНТИКА [2].

Оригинал здесь: [О стихах и поэтах.](#)

Судьба одарила Марину Цветаеву завидным и редким даром: песенным. Пожалуй, ни один из ныне живущих поэтов не обладает в такой степени, как она, подлинной музыкальностью. Стихи Марины Цветаевой бывают в общем то более, то менее удачны. Но музыкальны они всегда. И это -- не слащаво-опереточный мотивчик Игоря Северянина, не внешне приятная "романская переливчатость" Бальмонта, не залихватское треньканье Городецкого. "Музыка" Цветаевой чужда погони за внешней эффектностью, очень сложна по внутреннему строению и богатейшим образом оркестрована. Всего ближе она -- к строгой музыке Блока.

И вот, поскольку природа поэзии соприкасается с природою музыки, поскольку поэзия и музыка где-то там сплетены корнями, -- постольку стихи Цветаевой всегда хороши. Если бы их только "слушать" не "понимая". Но поэзия есть искусство слова, а не искусство звука. Слово же -- есть мысль, очерченная звучанием: ядро смысла в скорлупе звука. Крак -- мы раскусываем орех -- и беда, ежели ядро горькое или ежели его нет вовсе.

Но равноценны ядра цветаевских песен. Книги ее -- точно бумажные "фунтики" ералаша, намешанного рукой взбалмошной: ни отбора, ни обработки. Цветаева не умеет и не хочет управлять своими стихами. То, ухватившись за одну метафору, развертывает она ее до надоедливости; то, начав хорошо, вдруг обрывает стихотворение, не использовав открывающихся возможностей; не умеет она "поверить воображение рассудком" -- и тогда стихи ее становятся нагромождением плохо вяжущихся метафор. Еще менее она склонна заботиться о том, как слово ее отзовется в читателе, -- и уж совсем никогда не думает о том, верит ли сама в то, что говорит. Все у нее -- порыв, все -- минута; на каждой странице готова она поклониться всему, что сжигала, и сжечь все, чему поклонялась. Одно и то же готова она обожать и проклинать, превозносить и презирать. Такова она в политике, в любви, в чем угодно. Сегодня -- да здравствует добровольческая армия, завтра -- Революция с большой буквы. Ничего ей не стоит, не замечая, пройти мимо существующего и вопиющего -- чтобы повергнуться ниц перед несуществующим, -- например, воспеть никогда не существовавшего "сына Блока Сашу" в виде вифлеемского младенца, отчего неверующему человеку станет смешно, а верующему -- противно. В конце концов -- со всех страниц "Ремесла" и "Психеи" на читателя смотрит лицо капризницы, очень даровитой, но всего лишь капризницы, может быть -- истерички: явления случайного, частного, преходящего. Таких лиц всегда много в литературе, но *история* литературы их никогда не помнит.

Примечания

[1] Книга стихов. Берлин. 1923. 166 с.

[2] Берлин. 1923. 114 с.